

РОССИЙСКИЕ МЕДИА ВНЕ РОССИИ: КТО ЧИТАЕТ И ЗАЧЕМ ОНИ НУЖНЫ

Ксения Лученко

Май 2024

Один из главных вызовов для русскоязычных медиа — диверсификация аудиторий. Самой значимой и большой аудиторией остаются российские читатели, зрители и слушатели. Медиа ориентированы на то, чтобы добывать информацию в России, верифицировать ее и передавать обратно в Россию.

У всех российских независимых изданий в совокупности не хватает ресурсов, чтобы писать обо всем, что связано с войной: расследовать преступления, рассказывать человеческие истории, показывать, что происходит в российских регионах, проводить анализ статистики и так далее.

Вторая большая аудиторная группа — новая русская эмиграция. Медиа для них выполняют функцию общего знаменателя, социального клея, формируют среду. Они востребованы как один из важных инструментов поддержания солидарности, создания новой публичной сферы.

СОДЕРЖАНИЕ

Российские медиа вне России: кто их читает и зачем они нужны

Ксения Лученко	3
Внутри России	4
Вне России	6
Давно вне России	7
Эксперты без русского языка	7
Безопасность и бесправие	8
Что дальше?	9
Об авторе	10

РОССИЙСКИЕ МЕДИА ВНЕ РОССИИ: КТО ИХ ЧИТАЕТ И ЗАЧЕМ ОНИ НУЖНЫ

Ксения Лученко

Май 2024

Война в Украине привела к трансформациям почти во всех сферах российского общества, а сфера медиа, будучи особенно чувствительной, пострадала одной из первых. Пережив мгновенный сильный шок два года назад, российская журналистика до сих пор преодолевает его последствия, пытаясь развиваться и адаптироваться к новым условиям.

Независимые медиа российского происхождения остаются главным источником информации о происходящем в России для широкой аудитории по обе стороны границы.

Вскоре после начала вторжения российской армии в Украину в России была криминализована журналистская работа и профессиональная экспертиза. Любая информация о военных действиях и их прямых и косвенных следствиях, кроме той, которую предоставляют официальные российские органы (прежде всего Министерство обороны), попадает под Федеральный закон от 4 марта 2022 года №32-ФЗ, предполагающий уголовное преследование за «публичное распространение ложной информации о действиях российских военных в рамках спецопераций и призывы к антироссийским санкциям» и «дискредитацию вооруженных сил Российской Федерации». Этот закон получил неофициальное название «закон о фейках». За время, прошедшее с момента принятия этого закона, по нему были возбуждены 273 (фейки) и 81 (дискредитации) уголовных дела. Одновременно Роскомнадзор (главный государственный надзорный орган, контролирующий медиа и информационные технологии) начал блокировать независимые издания — телеканал «Дождь», сайт «Радио Свобода», радио «Эхо Москвы» и так далее. Социальные сети компании Meta (Instagram и Facebook) объявлены экстремистскими и заблокированы на территории России, теоретически их использование квалифицируется как преступле-

ние. Десятки редакций медиа и независимых блогеров сами прекратили работу, перестали писать о войне или были заблокированы. Крупные западные издания — Bloomberg, BBC, CNN — остановили работу в России. Это был полный разгром независимой журналистики.

По данным «Репортеров без границ»¹, в российских СИЗО и колониях сейчас находится 28 журналистов, а Россия опустилась на 155-е место в рейтинге свободы слова².

Издание «Верстка» подсчитало, что 40% внесенных Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов — журналисты, следующая крупная группа — политические активисты, которых вдвое меньше. То есть независимые журналисты представляют для российского государства серьезную угрозу, и оно борется с ними и как с гражданами, и как с профессиональным сообществом — с журналистикой как институтом, с самой возможностью распространять и получать информацию.

В первые же дни войны российские журналисты встали перед выбором: уехать, чтобы работать свободно и публиковать общественно значимую информацию без ограничений, или оставаться внутри страны, дышать с ней «одним воздухом» и иметь возможность работать «в поле», но соблюдать цензурное законодательство или серьезно рисковать, передавая информацию для публикации за пределами РФ. Большинство выбрали безопасность и свободу, учитывая, что технические средства позволяют значительную часть работы делать дистанционно без потери качества. Сразу после начала войны в марте 2022 года уехали

1 Round-up of Journalists killed, detained, held hostages and missing in 2023// Reporters without borders: https://rsf.org/sites/default/files/medias/file/2023/12/Round-up_2023_EN.pdf

2 Index 2022// Reporters without borders: <https://rsf.org/en/index?year=2022>

сотни журналистов и целые редакции. Основные города, в которых они оказались, — Тбилиси, Ереван, Белград. Те, у кого были шенгенские визы или возможность быстро их получить, приехали в Ригу, Вильнюс и Прагу. Через полгода Германия ввела ускоренную процедуру получения гуманитарных виз, и Берлин стал одним из главных мест концентрации российских журналистов в Европе. Бежавшие из России журналисты не всегда могли взять с собой семьи и были в сложном психологическом состоянии — сочетании паники и стыда, вызванных войной. Карточки российских банков были заблокированы. Редакции не имели организационной возможности помочь всем своим сотрудникам справиться с экстренным отъездом. Но тем не менее все продолжали работать и разбираться в хаосе первых недель войны: ни одно издание, оказавшееся в эмиграции, не закрылось, появились «Эхо» вместо «Эха Москвы» и «Новая газета. Европа», заново собрался телеканал «Дождь» и так далее.

В конце 2023 года организация JX Fund, которая оказывает поддержку медиа и журналистам, покинувшим кризисные регионы, опубликовала результаты³ количественного исследования российских медиа вне России. По их данным, российское медиасообщество в изгнании насчитывает примерно 1500–1800 человек, которые работают в 93 изданиях, треть из которых была создана уже после начала войны за пределами России.

ВНУТРИ РОССИИ

Один из главных вызовов для русскоязычных медиа — диверсификация аудиторий. Разумеется, самой значимой и большой аудиторией русскоязычных независимых медиа остаются российские читатели, зрители и слушатели. «Моя аудитория — это люди, в первую очередь, внутри России» — говорит Лола Тагаева⁴, главный редактор одного из самых успешных независимых медиапроектов «Верстка». С ней соглашается большинство журналистов: они ориентированы на то, чтобы добывать информацию в России, в том числе информацию о войне и о происходящем в связи с ней в российском обществе, культуре,

экономике, верифицировать ее и передавать обратно в Россию, сделав доступной максимальному количеству людей.

Согласно исследованию JX Fund совокупная внутрироссийская аудитория всех эмигрантских медиа — от 5,8 до 7,8 миллионов человек, то есть они регулярно охватывают 6–9% взрослого населения России.

Это подтверждают и медиаменеджеры, например, Тихон Дзядко, главный редактор телеканала «Дождь», говорит⁵, что 65–75% аудитории телеканала находится в России и может достигать 10 миллионов человек в месяц. Это очень много, учитывая цензурные ограничения и блокировки, которые сильно затрудняют доставку контента и сбор статистики. А главный редактор The Bell Елизавета Осетинская говорит⁶, что после того, как сайт издания был заблокирован в России, российская аудитория сильно сократилась.

Почти все независимые медиа в России можно читать только с помощью VPN.

Приходится делать ставку на Telegram-каналы, приложения, рассылки: то, что раньше было инструментами продвижения контента, превращается в его основной носитель. Но постепенно и подписка на Telegram-каналы независимых СМИ, и использование их приложений из серой зоны переходит в нелегальную: при задержаниях полиция проверяет содержимое смартфонов, при пересечении границы России, даже если человек летит на отдых в Турцию, тоже происходят выборочные проверки. Установка на мобильный телефон приложений, принадлежащих тем медиа, которые признаны нежелательными организациями (такие как, например, телеканал «Дождь» или крупнейшее русскоязычное медиа за пределами России «Медуза»), или подписка на их Telegram-каналы и почтовые рассылки могут привести к уголовному преследованию владельца телефона. То есть для пользователей потребление такого контента может быть приравнено к актам гражданского мужества, хотя многие не осознают эти риски. В России ещё не заблокирован YouTube, хотя его работа уже периодически существенно

3 Sustaining Independence: current state of Russian media in exile // JX-Fund: <https://jx-fund.org/newsroom/news/sustaining-independence-the-current-state-of-exiled-media-from-russia>

4 Лученко К. Редакция стала в какой-то степени заменять государство. Интервью с Л. Тагаевой // Colta.ru: <https://www.colta.ru/articles/revision/29722-lola-tagaeva-redaktsiya-stala-zamenyat-gosudarstvo>

5 Лученко К. Где бы мы ни находились, мы воспринимаем «Дождь» как российский телеканал. Интервью с Т. Дзядко // Colta.ru: <https://www.colta.ru/articles/revision/29721-tihon-dzyadko-gde-by-my-ni-nahodilis>

6 Лученко К. Мы привыкли платить маленькие деньги, и ничего хорошего в этом нет. Интервью с Е. Осетинской // Colta.ru: <https://www.colta.ru/articles/revision/29741-elizaveta-osetinskaya-my-privyikli-platit-malenkie-dengi>

замедляется, и специалисты не знают, по какой причине — из-за последствий санкций и сложности с обслуживанием серверов или из-за ограничительных действий Роскомнадзора. Поэтому почти все медиа, даже те, которые изначально были созданы как текстовые издания, стараются разрабатывать видеоконтент и адаптировать свои материалы для аудитории YouTube. Елизавета Осетинская, у которой в YouTube есть свой авторский канал, говорит, что в среднем соотношение её зрителей из России и из других стран — 55% к 45%.

Разнообразие каналов доставки информации (их большая часть — это внешние носители, которые редакции не могут контролировать: алгоритмы социальных сетей и их регуляции работают по своим собственным моделям — как правило, коммерческим), порождает сложности с подсчетом аудитории и её демографических характеристик. Пользователь может получить один и тот же материал через VPN на сайте издания (и тогда он нерелевантен для статистики, так как пользователь заходит через «подставную» страну), через зеркала сайтов, сервисы типа Substack, а также прочитать его краткое изложение в Telegram, Instagram или Twitter. Как учитывать этого пользователя? Рецепция контента состоялась, человек, живущий в России, узнал о том, что ему хотели рассказать журналисты, но его почти невозможно учесть в статистике.

Ещё сложнее с анализом качества этой аудитории, с обратной связью.

Большая часть российских медиа в изгнании существуют на гранты и за счёт средств, которые они получают от доноров — как правило, европейских и американских фондов.

Как говорит медиааналитик Василий Гатов, «по факту все российские медиа в изгнании, конечно, — *pop-profit*. Может быть, не по форме, не по юридическому статусу, но по сути. Их задача — это *impact*, а не *profit*»⁷. Соответственно, доноры, помимо общей поддержки ценностей свободы слова и независимой прессы, ожидают влияния на аудиторию, пусть даже косвенного. Здесь важно понимать, что доноры не управляют

теми проектами, которые они финансируют: всегда существует дистанция, предполагающая автономию редакции. «Доноры не регулируют ценностные модели, не модерировать и не цензурят контент. Люди [журналисты] добровольно в рамках своих интересов, своих взглядов, оценок информируют российскую аудиторию» говорит Гатов. Тем не менее некоторые медиаменеджеры анонимно отмечают, что «контентные обязательства, которые возникают вместе с финансированием, не всегда совпадают с собственной повесткой медиа и с интересами аудитории». Эти обязательства — часто имплицитное, не выраженное прямо ожидание обратной связи, изменения общественного мнения в России. Однако все последние опросы, которые ещё удаётся проводить (прежде всего речь идёт о социологических исследованиях Левада-центра), говорят о том, что настроения россиян не сильно меняются на протяжении последних двух лет: поддержка Путина, признание необходимости войны и антизападные настроения по-прежнему доминируют, несмотря на нарастание усталости.

У всех российских независимых изданий в совокупности не хватает ресурсов, чтобы писать обо всем, что связано с войной, расследовать преступления, рассказывать человеческие истории, показывать, что происходит в российских регионах, проводить анализ статистики и так далее.

Редакторы признают, что для того, чтобы заниматься всеми этими темами, нужно гораздо больше профессиональных журналистов. Но в то же время все соглашаются и с тем, что аудитория демонстрирует усталость «от плохих новостей», тогда как журналисты считают аморальным заниматься развлекательными темами. Приходится все время искать баланс между социально-значимыми сюжетами, своей ответственностью и привлекательностью для читателей внутри страны.

Медиа не могут в полной мере противостоять путинской пропаганде, контрпропаганда вообще выходит за рамки классических функций журналистики. Кроме того, наличие иностранного финансирования или недостаточная финансовая прозрачность снижает уровень доверия к независимым медиа внутри России, по крайней мере среди сомневающейся части читателей/зрителей.

⁷ Лученко К. Журналист не может «забить большой железный» на связь со страной. Интервью с В. Гатовым // Colta.ru: <https://www.colta.ru/articles/revision/29720-vasily-gatov>

Самое важное, что могут сделать независимые российские медиа, — поддержать ту аудиторию, которая осталась внутри России и обладает критическим мышлением.

Эти люди нуждаются в независимой информации, ради получения которой готовы рисковать и прилагать технические усилия. Тихон Дзядко писал, что «...русские медиа нужны для того, чтобы продемонстрировать людям с антивоенной позицией, которые остаются в России, что они не одни». С ним согласна и Лола Тагаева: «Мы продолжаем поддерживать людей, которые находятся там и сомневаются, пытаются более адекватно воспринимать происходящее, не верить пропаганде. Какое новое будущее вы можете построить, если у вас не будет людей, которые сохранили разум?». Помимо информирования, медиа дают этим людям голос, представляют их, особенно те группы, которые были традиционно недопредставлены в российском публичном поле: региональные и этнические меньшинства, социально уязвимые сообщества. Задача оставаться релевантным аудитории, если ты перестал быть её частью, создавать хотя бы иллюзию общего пространства — это постоянный бег вверх по эскалатору, едущему вниз.

ВНЕ РОССИИ

Вторая большая аудиторная группа — новая русская эмиграция, те, кто уехал из России после начала полномасштабного вторжения в Украину и объявления мобилизации. Эту аудиторию количественно и качественно изучают несколько групп социологов. Социолог Любовь Борусяк, которая провела несколько волн глубинных интервью с уехавшими из-за войны россиянами, отмечает, что «у многих уехавших ужас перед происходящим вызвал желание бежать как можно скорее, даже без представления о том, что они будут делать дальше»⁸. Эта вынужденная, экстренная, недобровольная эмиграция — общий опыт, который объединяет несколько сотен тысяч человек, оказавшихся рассеянными по всему миру (по разным оценкам в 2022 году Россию покинуло до миллиона человек).

Медиа для них выполняет функцию общего знаменателя, социального клея, формируют среду. И, как сказал главный редактор The Russia File

при институте Кеннана Максим Трудолюбов, «...на этой среде лежит огромная нагрузка. Она обеспечивает общее самосознание, поддерживает язык, картину происходящего для русскоязычных людей, находящихся буквально по всему миру — от Таиланда до Аргентины»⁹. Согласно выводам исследования независимого академического проекта OutRush эта аудитория довольно сильно отличается от средних россиян. Это молодые люди (средний возраст — 34 года), с высшим образованием (77% новых эмигрантов окончили университеты, тогда как в среднем по России этот показатель равен 27%). Прежде всего, это «политическая эмиграция»: первая среди причин, по которым уезжали из России, — «политическое и моральное несогласие с действиями российского правительства» и кратно выросшие с началом войны риски в случае выражения протеста против этих действий. Параллельно с этим исследователи отмечают необычно высокий уровень социального доверия внутри этой новой политической русской диаспоры (59% эмигрантов доверяют людям, средний показатель внутри российского общества — 23%). По мнению социологов, «такой значительный уровень доверия отражает сильное чувство солидарности, которое в дальнейшем проявляется в различных формах взаимопомощи»¹⁰.

Это сочетание высокой политизированности и солидарности говорит о том, что диаспора обладает высоким потенциалом влиять на изменения внутри России — и за счет прямой деятельности, так как многие занимаются активизмом, волонтерством, просвещением, развивают антивоенные инициативы, включены в политические процессы, чувствуют ответственность за происходящее в России; и опосредованно, благодаря контактам с оставшимися в стране родственниками, друзьями и коллегами.

Медиа востребованы как один из важных инструментов поддержания этой солидарности, создания новой публичной сферы. Однако, так как независимые журналисты сами — часть этого сообщества, дотягиваться до российской аудитории становится всё сложнее, а обратная связь ослабевает, появляется высокий риск

⁸ Борусяк Л. Год исхода: уехавшие, остающиеся и сложности коммуникации // Re: Russia: <https://re-russia.net/expertise/064/>

⁹ Лученко К. Поляризация будет только углубляться. Интервью с М. Трудолюбовым // Colta.ru: <https://www.colta.ru/articles/revison/29738-maksim-trudolyubov-polyarizatsiya-budet-tolko-uglublyatsya>

¹⁰ Sergeeva I., Kamalov E. A Year and a Half in Exile: Progress and Obstacles in the Integration of Russian Migrants. // OutRush: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/76676/Year_half_2024.pdf

превратиться в классические «эмигрантские» медиа с повесткой, спикерами и интересами, оторванными от страны исхода.

В последние месяцы стали появляться издания, ориентированные конкретно на эмигрантов — пока это преимущественно Telegram-каналы, такие, как проект «Волна», который информирует о новостях в странах наибольшей концентрации русскоязычных пользователей — в Балтии и Германии. Недавно открылось медиа «Schön» о жизни в Берлине на русском языке. Эти медиа, как наиболее узко направленные, потенциально могут быть устойчивее экономически, чем медиа общего интереса, и рассчитывать на доходы от местной рекламы.

ДАВНО ВНЕ РОССИИ

Третья аудиторная группа — русскоязычные европейцы, которые давно или всю жизнь живут в странах Евросоюза, но не полностью интегрированы и ощущают связь с родиной как ценность. Значимую роль в сохранении этой идентичности играли российские медиа.

В Германии людей, для которых русский язык — родной, больше двух миллионов, в Латвии этнических русских — 450 тысяч, а в Эстонии — 315 тысяч, и это почти четверть населения страны.

Многие из них не владеют или плохо владеют языком государства, в котором живут. Война стала для них серьезным испытанием: они привыкли смотреть государственные и прогосударственные российские телеканалы, которые вдруг оказались заблокированы, попав в санкционные списки стран Европейского союза (как, например, православные телеканалы «Спас» и «Царьград»).

«Новая газета. Европа» провела большое исследование медиапотребления русскоязычных европейцев. Часть респондентов «Новой» обнаружили, что *«тот уровень интеграции в европейское сообщество, который у них есть сейчас был достаточным для того, чтобы комфортно жить в их странах ранее, теперь оказался слишком низким [...] Сохранившаяся у них связь с Россией и русскоязычным пространством, в том числе через российские государственные медиа, привела к тому, что их политические взгляды и отдельные социальные практики считают-*

ся неприемлемыми в принимающей стране»¹¹. Значительная часть русскоязычных жителей Европы склоняется к поддержке правых populistических политических сил, у них пониженный уровень критического мышления из-за того, что они десятилетиями подвергались воздействию российской пропаганды и продолжают оставаться для неё уязвимыми. Независимые российские издания в изгнании ещё не смогли восполнить нишу, пустующую после блокировки российских государственных медиа, тем более, что их по-прежнему можно смотреть с помощью VPN.

Парадоксальная ситуация: антивоенные россияне в России пользуются VPN, чтобы читать сайты независимых медиа, разделяющих европейские ценности, а русскоязычные граждане Европы с помощью таких же VPN-сервисов заходят на российские пропагандистские сайты.

В Германии на эту аудиторию пытается работать русская служба Deutsche Welle, BILD на русском, телеканал OstWest. На диаспоры в разных странах вещают телеканалы «Дождь» и «Настоящее время». Но пока российские медиа чувствуют себя не очень уверенно, когда пытаются ориентироваться не на «родную» антивоенную волну эмиграции, а на всю сложно устроенную русскоязычную диаспору, часть которой ментально застряла в России двадцати-тридцатилетней давности. Однако, судя по исследованию «Новой газеты», медиа пытаются найти подходы в этом направлении.

ЭКСПЕРТЫ БЕЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

И, наконец, четвертая аудиторная группа — самая малочисленная, но важная — это люди, которым нужна информация о происходящем в России, но не читающие по-русски. Это существенная часть западного экспертного и академического сообщества, люди, принимающие решения в разных сферах. С одной стороны, Россия представляет и будет представлять угрозу европейской безопасности, с этим соглашаются политики и аналитики¹². С другой — это страна с большой экономикой, ресурсами и 140 милли-

11 Е. Власова, Л. Саблина, А. Соколова. Вывести на частоту. // Новая газета <https://diaspora.novayagazeta.eu/>

12 Liik K. The old is dying and the new cannot be born: A power audit of EU-Russia relations // European council on Foreign Relations: <https://ecfr.eu/publication/the-old-is-dying-and-the-new-cannot-be-born-a-power-audit-of-eu-russia-relations/>

онами населения, переживающая социальные трансформации, и, как бы ни развивалась дальше история, самые серьезные сдвиги у России впереди. Поэтому качественная экспертиза по российской проблематике востребована сейчас и будет востребована в ближайшие годы, как и расследования, репортажи — те журналистские жанры, которые помогают понять, что происходит в стране на самом деле.

И редакторы, и медиаменеджеры, и представители экспертного сообщества согласны с тем, что у многих журналистов очень высокий уровень экспертизы в отдельных тематических сегментах (российская экономика, военное дело, международные отношения, церковь). Несмотря на то, что Россия постепенно превращается в «черный ящик», где осведомленные источники и инсайдеры всё реже готовы разговаривать с медиа, именно у журналистов все еще остаются живые контакты, которые могут хотя бы косвенно подтвердить или опровергнуть информацию.

У российских независимых медиа есть уникальные сети информирования внутри России — стрингеры, коллеги из оставшихся в России подцензурных, но не пропагандистских изданий, многочисленные знакомые и герои публикаций.

Однако медиаменеджеры понимают: для того, чтобы быть прочитанными не русскоязычными читателями, недостаточно просто перевести материал на другой язык. Культура потребления информации значительно отличается: в разных языковых пространствах — разная логика сторителлинга, разные читательские привычки. Если сравнивать преимущественно англоязычный твиттер (те аккаунты, авторы которых систематически интересуются происходящим в России и в связи с Россией) и преимущественно русскоязычный Telegram, то видно, что в них разная повестка и разные ракурсы, подходы к одним и тем же событиям и информационным поводам. Необходимо объяснять, как именно то, о чем пишут русские независимые журналисты, затрагивает читателей в Германии или Америке — и это не всегда практическая и прагматическая обеспокоенность экономическими или военными угрозами. Человеческие судьбы и моральные дилеммы универсальны — они тоже интересуют читателей вне России, но это должен быть специально выстроенный рассказ.

Поэтому необходимо создавать отдельные продукты для англоговорящей, немецкоговорящей и франкоговорящей аудиторий, адаптированные под их особенности восприятия информации. Так, «Медуза» делает англоязычную рассылку The Beet¹³, русская служба BBC News использует сервис Substack¹⁴, где публикует саммари, компиляцию из наиболее значимых находок своей редакции, экономическое издание The Bell тоже предлагает несколько вариантов англоязычных рассылок¹⁵. В этом направлении будут двигаться и другие издания, потому что русскоязычный «пузырь» постепенно становится слишком тесен для журналистов, живущих вне России — хочется быть прочитанными, услышанными и понятыми в глобальном масштабе, чтобы публикации приводили к реальным политическим изменениям. Обсуждается создание межредакционных проектов сотрудничества по переводу и пересказу наиболее значимых материалов, написанных российскими независимыми журналистами, их адаптации для иноязычной аудитории.

БЕЗОПАСНОСТЬ И БЕСПРАВИЕ

Среди основных проблем, которые отмечают журналисты в изгнании помимо опасений потерять релевантность внутрироссийской аудитории, находясь так долго вне страны, и не найти стабильных моделей финансирования и экономической устойчивости редакций, есть ещё один важный аспект — проблемы безопасности. При чем речь идёт и о безопасности данных, защите источников и стрингеров в России, и о личной физической безопасности. В 2023 году известные журналистки Елена Костюченко и Ирина Баблюян были предположительно отравлены: одна в Берлине, а другая в Тбилиси. Издатель «Медузы» Галина Тимченко и ещё несколько журналистов обнаружили, что в их мобильные телефоны внедрена система слежения Pegasus. Пока неизвестно, кто стоит за отравлениями (и связаны ли они между собой, и действительно ли это были отравления) и слежкой, но эти истории создают дополнительное напряжение внутри сообщества: паранойя не способствует эффективной работе. В России на уехавших журналистов заводят уголовные дела и объявляют их в розыск, из-за чего им небезопасно выезжать за пределы Евросоюза или США, но и внутри «без-

13 The beet: A new email dispatch from Meduza // Meduza. <https://meduza.io/en/pages/beet>

14 Substack: <https://bbcrussian.substack.com/>

15 The Bell: <https://en.thebell.io/tag/newsletters/>

опасных» стран они чувствуют себя уязвимыми для российских спецслужб и любых других потенциально опасных структур. Уголовные дела заведены, например, на главного редактора издания Republic Дмитрия Колезева, журналистку Екатерину Фомину, которая нашла военного, участвовавшего в мародерстве и убийствах мирных жителей в Киевской области весной 2022 года — эта публикация с признанием убийцы и стала причиной уголовного преследования журналистки. Издателя медиа «Служба поддержки» Илью Красильщика заочно приговорили к 8 годам заключения, а саму «Службу поддержки» признали «нежелательной организацией». Это далеко не полный список.

Пока журналисты будут работать с российской проблематикой, а у большинства из них есть только российское гражданство, их жизнь не покинет постоянное ощущение угрозы.

Осенью 2023 года «Ассоциация российских независимых журналистов», которую организовала главный редактор издания «Холод» Таисия Бекбулатова (и сама Таисия, и издание в России считаются «иностранными агентами»), провела небольшое исследование внутри медийного сообщества. Это исследование показало, что большинство уехавших из России журналистов застряли в так называемых «третьих странах» — Грузии, Сербии, Центральной Азии, где не чувствуют себя в безопасности. 65% из тех, кто участвовал в исследовании, хотели бы уехать из той страны, где они сейчас находятся, потому что боятся за свою жизнь и здоровье, чувствуют себя бесправными из-за проблем с легализацией. Несмотря на усилия международных правозащитных организаций, различных фондов поддержки журналистов в зоне риска и визовую политику стран ЕС (прежде всего Германии), ситуация улучшается медленно.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Война в Украине, фактическое введение в России цензуры и беспрецедентная эвакуация значительной части медийного сообщества, необходимость работать в крайне непредсказуемых условиях над самыми сложными на памяти нынешнего поколения журналистов темами, — всё это как бы остановило все остальные процессы. Между тем российская независимая журналистика, несмотря на специфические задачи, кото-

рые перед ней стоят сегодня, — это часть мировых медиа, а кризис, в который мировые медиа вошли несколько лет назад¹⁶, продолжается. Нарастает поляризация, что особенно стало ощущаться в связи с политическими событиями 2023 года и предстоящим годом выборов во всех значимых регионах мира. Классические медиа проигрывают социальным платформам в борьбе за внимание читателей и за доверие общества, перестают работать старые финансовые модели. И это тот профессиональный контекст, который российские медиа в изгнании не могут не учитывать. Вероятно, их опыт, во многом уникальный, станет существенным вкладом в переосмысление профессиональных стандартов и роли журналистов в современных социальных и политических процессах и положит начало выходу из медийного кризиса

16 Nielsen R.K., Selva M. More Important, But Less Robust? Five Things Everybody Needs to Know about the Future of Journalism // Reuters Institute for the Study of Journalism: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/more-important-less-robust-five-things-everybody-needs-know-about-future-journalism>

ОБ АВТОРЕ

Ксения Лученко – PhD in philology (MSU), приглашенный исследователь Европейского Совета по Международным отношениям (ECFR), журналист, эксперт по медиаобразованию и медиаграмотности, а также – отношениям церкви, государства и общества в России. До эмиграции была деканом факультета Медиакоммуникаций Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинки») и методистом проекта Гёте-института при поддержке Европейского Союза «Как читать медиа». Кандидат филологических наук.

Email: ksenialuchenko@proton.me

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V. (FES)

Годесбергер Але 149

53175 Бонн

Германия

www.russia.fes.de

E-mail: info@fes-russia.org

Ответственный за издание: Отдел международного сотрудничества, Российская программа Фонда им. Фридриха Эберта

Ответственный за содержание и редакцию: Алексей Юсупов

Мнения, выраженные в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда им. Фридриха Эберта. Коммерческое использование материалов, опубликованных Фондом, не допускается без его письменного согласия. Публикации FES также не могут быть использованы в целях предвыборных кампаний.

© 2024

АННОТАЦИЯ

Среди основных проблем, которые отмечают журналисты в изгнании, помимо опасений потерять релевантность внутри-российской аудитории, находясь так долго вне страны, и поисков стабильных моделей финансирования и экономической устойчивости редакций, есть ещё проблемы безопасности. Речь идёт и о безопасности данных, защите источников и стрингеров в России, и о личной физической безопасности. В России на уехавших журналистов заводят уголовные дела и объявляют их в розыск. Но и внутри «безопасных» стран они чувствуют себя уязвимыми для российских спецслужб и других потенциально опасных структур. Пока журналисты будут работать с российской проблематикой, а у большинства из них есть только российское гражданство, их жизнь не покинет постоянное ощущение угрозы.

Несмотря на то, что Россия постепенно превращается в «чёрный ящик», где осведомленные источники и инсайдеры всё реже готовы разговаривать с медиа, именно у журналистов остаются живые контакты, которые могут хотя бы косвенно подтвердить или опровергнуть информацию. У российских независимых медиа есть уникальные сети информирования внутри России – стрингеры, коллеги из оставшихся в России подцензурных, но не пропагандистских изданий, многочисленные знакомые и герои публикаций. Качественная экспертиза по российской проблематике востребована сейчас и будет востребована в ближайшие годы, как и расследования, репортажи – журналистские жанры, помогающие понять, что происходит в стране на самом деле.

Российская независимая журналистика, несмотря на специфические задачи, которые перед ней стоят сегодня, – часть мировых медиа. Кризис, в который мировые медиа вошли несколько лет назад, продолжается. Нарастает поляризация, что особенно ощущается в связи с годом выборов во всех значимых регионах мира. Классические медиа проигрывают социальным платформам в борьбе за внимание читателей и за доверие общества, перестают работать старые финансовые модели. И это тот профессиональный контекст, который российские медиа в изгнании не могут не учитывать. Их опыт, во многом уникальный, станет существенным вкладом в переосмысление профессиональных стандартов и роли журналистов в современных социальных и политических процессах и положит начало выходу из медийного кризиса.